

языка; е) окончательно решить вопрос о критериях оценок по русскому языку для учащихся из среды народов Крайнего Севера.

*

Главная задача сейчас состоит в том, чтобы полностью обеспечить всему коренному населению Севера возможность наиболее эффективного использования своих родных языков и письменности на этих языках для успешного осуществления исторических решений XIX съезда КПСС в области дальнейшего развития культуры всех народов СССР. Собрание считает необходимым в самое ближайшее время принять решительные меры для ликвидации ненормального положения в области организации начального обучения на языках народностей Севера, вести всю дальнейшую работу по развитию языков народностей Севера в полном соответствии с принципами ленинско-сталинской национальной политики, на незыблемой основе сталинского учения о языке.

ОБСУЖДЕНИЕ I ТОМА «ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

2 декабря 1952 г. на расширенном заседании Сектора русского литературного языка Института языкознания АН СССР состоялось обсуждение «Грамматики русского языка» (т. I. Фонетика и морфология. М., Изд-во АН СССР, 1952. 720 стр.) На заседании присутствовало ок. 150 человек, среди которых — научные сотрудники, профессора и преподаватели вузов, представители учительства, работники издательств, докторанты и аспиранты.

Заседание открыл доктор филол. наук В. П. Сухотин, отметивший, что в условиях коренной перестройки всей исследовательской и преподавательской работы по языку на основе трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания «Грамматика русского языка» — этот большой коллективный труд советских языковедов — приобретает первостепенное значение. Советские лингвисты, преподаватели вузов и средней школы, как и вся советская общественность, давно ожидали опубликования этой актуальной работы, цель которой состоит в том, чтобы дать возможно более широкое, полное и всестороннее описание грамматической структуры современного русского языка. Работа над подготовкой «Грамматики русского языка» началась давно и протекала в трудных условиях господства вулгаризаторской теории Н. Я. Марра и аракчеевского режима в языкознании. Только после лингвистической дискуссии 1950 г. и опубликования гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания оказалось возможным сплотить работоспособный коллектив, который сумел осуществить расширение собранных материалов, коренную переработку первоначальных глав грамматики, написание новых больших разделов и подготовку к печати настоящего труда.

В обсуждении первого тома грамматики приняли участие канд. филол. наук Н. Н. Прокопович (Моск. пед. институт им. В. И. Ленина), проф. В. И. Абаев (Институт языкознания АН СССР), доц. С. Е. Крючков (Моск. пединститут им. В. И. Ленина), доц. И. П. Мучник (Моск. обл. пединститут), проф. А. Н. Гвоздев (Куйбышевский пединститут), доц. Н. А. Янко-Гриницкая (Моск. гор. пединститут), А. В. Хлебникова (Институт методов обучения АПН РСФСР), Н. И. Тарабасова (Институт языкознания АН СССР).

Все выступавшие указывали на большое общественно-культурное значение «Грамматики русского языка», представляющей собой подробное описание грамматического строя современного русского языка, опирающееся на результаты исследований крупнейших русских лингвистов и ставящее перед собой нормативные цели. Положительными сторонами грамматики являются полнота и тщательность описания грамматических явлений, обилие и новизна представленного в ней материала. Значительный интерес представляют детально разработанные разделы, посвященные словообразованию и ударению частей речи. К числу достоинств грамматики относится и то, что она, при наличии в ней ряда новых определений и при известном расширении круга грамматических понятий, в целом не пошла по линии нарушения установившейся традиции. Ценность этого труда, рассчитанного на широкие круги советской интеллигенции, состоит также в общедоступности его изложения.

Основным содержанием большинства выступлений было указание на те общие и частные недостатки грамматики, устранение которых поможет составителям улучшить качество книги при ее переиздании, что несомненно повысит научную и практическую ценность этого труда.

К числу недостатков грамматики, отмеченных выступавшими, относится то, что в ней не вполне выдержан принцип нормативности и связанный с ним принцип историзма, поскольку не во всех случаях указывается, с одной стороны, какие формы или категории являются литературными, правильными и какие — отступающими от литератур-

ной нормы, и, с другой стороны, — какие формы или категории являются продуктивными, жизнеспособными и какие, наоборот, — непродуктивными, отмирающими. Так, проф. В. И. Абаев и доп. С. Е. Крючков подвергли критике принятый в грамматике алфавитный порядок перечня некоторых словообразовательных элементов, например, приставок, в результате которого в одном ряду оказались исконно русские и иноязычные приставки (*анти-, архи-, пре-, про-* и т. п.). Грамматика, как отметила в своем выступлении А. В. Хлебникова, не дает ответа на такой трудный для практики вопрос, как употребление падежных форм сложных количественных числительных: она лишь отмечает тот факт, что в этих числительных часто, особенно в устной речи, склоняются только последние члены (или последний член) числительного, и не указывает, соответствует ли этот факт общелитературной норме или является отступлением от нее. На необходимость в нормативной грамматике, какой является обсуждаемая «Грамматика русского языка», более четкого разграничения продуктивных и непродуктивных форм и категорий указали в своих выступлениях Н. Н. Прокопович и проф. А. Н. Гвоздев. По мнению Н. А. Янко-Триницкой, само понятие нормативности требует уточнения в применении к обсуждаемому труду.

Проф. А. Н. Гвоздев считает, что незаслуженно мало внимания уделено в грамматике вопросам стилистики. Этому вопросу посвящен, собственно, один § 15, указывающий на наличие в современном русском литературном языке сложной системы «разнообразных средств выражения, находящихся друг с другом в тесной связи и нередко более или менее синонимичных» (стр. 15). В грамматике не определены основные понятия стилистики, не охарактеризованы различные стили речи. Стилистические пометы даются нерегулярно и часто касаются отдельных слов, причем употребление стилистических помет не является согласованным в разных частях книги. Вопросы стилистики и грамматической синонимии, подчеркнул А. Н. Гвоздев, должны быть изложены в академической грамматике с большей полнотой, чем это сделано в настоящем ее издании.

В процессе обсуждения грамматики был поставлен вопрос о правомерности помещения в ней раздела «Фонетика». Проф. А. Н. Гвоздев выразил свое согласие с мнением В. П. Сухотина о том, что фонетика, представляющая собой самостоятельную языковедческую дисциплину, не должна, по существу, излагаться в грамматике в качестве одного из ее разделов¹.

Ряд критических замечаний вызвали содержащиеся в грамматике определения некоторых грамматических понятий. Так, Н. А. Янко-Триницкая считает нечетким предложенное авторами грамматики определение формы слова. Согласно определению, «формами слова называются все те видоизменения одного и того же слова, которые, обозначая одно и то же основное понятие, прибавляют к нему то или другое дополнительное понятие, либо выражают то или другое отношение данного предмета мысли к другим предметам мысли того же предложения» (§ 16, стр. 15). Это определение стирает различие между словоизменением и словообразованием. В один ряд ставятся падежные формы одного и того же слова, формы вида и уменьшительные формы имен существительных. В результате понятие словоизменения оказывается нечетким и расплывчатым, непомерно разрастаются границы отдельного слова. Спорным представляется Н. А. Янко-Триницкой данное во «Введении» определение основного словарного фонда (§ 1, стр. 7).

С. Е. Крючков указал на неясность и отсутствие согласованности между формулировками, относящимися к определению понятия словосочетания. На стр. 10 словосочетания определены как «грамматические единства внутри предложения, состоящие не менее чем из двух полнозначных (не служебных) слов...»; далее приводится ряд примеров на словосочетания, в которых представлены только парные сочетания слов, объединенных по способу согласования, управления или примыкания, что в основном соответствует традиционному пониманию словосочетания. На стр. 11 представлено иное понимание словосочетания: «Впрочем, в обыкновенной связной речи ясно слышна чаще всего делимость не на слова, а на более крупные объединения слов, на словосочетания». Словосочетание в данном случае, очевидно, приравнивается к синтагме. Не является исчерпывающим и точным и определение понятия предложения (§ 3, стр. 9). С. Е. Крючков указал также на отсутствие достаточной четкости в определении понятия частей речи. По мнению Н. А. Янко-Триницкой, не грамматическим, а логическим является представленное в «Грамматике русского языка» определение грамматических категорий как общих понятий грамматики, определяющих характер или тип строя языка и находящихся свое выражение в изменении слов и в сочетании слов в предложениях (§ 2, стр. 9).

Выступавшими были подвергнуты критике также отдельные положения, правила, формулировки, принципы классификации материала, содержащиеся в некоторых главах грамматики. Вызвала возражения со стороны А. Н. Гвоздева и Н. А. Янко-Триницкой трактовка категории собирательности имен существительных. Неправо-

¹ См. рецензию В. П. Сухотина на I том «Грамматики русского языка» в журн. «Советская книга», М., 1952, № 11, стр. 112—113.

мерно, по мнению А. Н. Гвоздева, эта категория рассматривается как одна из разновидностей группы существительных, употребляющихся только в единственном числе. Вель в категории слов, употребляющихся только во множественном числе, грамматика также выделяет собирательные существительные, например: *боты, бутылки, весы, вилы, ворота, грабли, сани, счеты, тиски*; кстати, у этих имен существительных нет грамматических признаков собирательности. Нечетко определены отдельные подвиды слов, входящих в категорию собирательности (например, имена существительные с вещественно-собирательным значением, имена существительные с отвлеченно-собирательным значением). Н. А. Янко-Триницкая отметила, что отнесение в обсуждаемой грамматике к собирательным именам существительным большого количества слов определяется не грамматическими принципами, а семантическими. Так, например, в число собирательных существительных попадают слова: *хвой* (хвойные деревья), *неприятель* (войска противника), *мусор, сор* и т. п.

Проф. А. Н. Гвоздев указал на некоторую нечеткость родовой классификации имен существительных. Отдельный параграф посвящен вопросу о родовых различиях у парных названий лиц и животных. Следовало выделить только образование названий лиц, образование же названий животных не имеет никаких особенностей, и поэтому его не следовало выделять. Не оправданным unnecessary, по мнению А. Н. Гвоздева, является осуществленное в грамматике изменение принятой нумерации склонений имен существительных. Даже если подходить к этому вопросу с точки зрения истории русского языка, то склонение основ на *-а* можно считать основным, так как оно во множественном числе повлияло на другие типы склонений.

На ряд недостатков главы «Имя прилагательное» указали в своих выступлениях С. Е. Крючков и Н. А. Янко-Триницкая. В основу определения значений качественных и относительных имен прилагательных, полагает С. Е. Крючков, положены различные семантические принципы. Неправильным, по его мнению, является определение усеченных форм прилагательных как искусственных, употреблявшихся только по требованию рифмы или ритма: на самом деле употребление этих форм определялось, вероятно, стилем произведения. В § 483 (стр. 290) среди качественных прилагательных, обозначающих состояние, помещены прилагательные *женатый* и *вдовый*. С. Е. Крючков полагает, что эти прилагательные не качественные, а относительные. С. Е. Крючков отметил непоследовательность определения отглагольных прилагательных с суффиксом *-м* (*-им*, *-ем*, *-ом*) в разных главах грамматики. Так, в главе «Имя прилагательное» в § 495 (стр. 308) эти прилагательные определены как образовавшиеся из страдательных причастий настоящего времени, перешедших в прилагательные при объединении с отрицанием *не*. В разделе «Словообразование имен прилагательных» (§ 568, стр. 355) эти же слова определены не как причастия, перешедшие в прилагательные, а как прилагательные. В главе «Глагол» указанные прилагательные также определены как прилагательные, а не как страдательные причастия (§ 798, стр. 512). На стр. 320, 323 и 331 противоречиво квалифицируется морфологический состав прилагательных с суффиксом *-ий*. Не совсем правильно, отметила Н. А. Янко-Триницкая, раскрывается в главе «Имя прилагательное» употребление падежных форм имени прилагательного. «Имена прилагательные, — сказано в грамматике, — изменяются по родам (только в единственном числе), падежам (только полные формы прилагательных) и числам, согласуясь с именами существительными, к которым они относятся...» (§ 475, стр. 282). Из этого определения следует, что падежная форма прилагательного определяется падежной формой имени существительного, с которым данное прилагательное согласовано. Следовало бы указать, что в некоторых случаях падежная форма прилагательного не обусловлена формой имени существительного (ср. употребление форм именительного и творительного падежей в составе сказуемого: *он был веселый. он был веселым*).

Касаясь положений, изложенных в главе «Имя числительное», А. В. Хлебникова отметила разноречивость в трактовке числительных по их составу. Так, в § 607 (стр. 368) к составным числительным отнесены числительные типа *пятнадцать, двести*, а к сложным — числительные типа *двести восемьдесят, сто тридцать шесть*, в то время как в § 626 (стр. 386) числительные типа *сто двадцать четвертый* названы составными порядковыми числительными. Такая несогласованность терминологии, а также ничем, видимо, не оправданный отход от традиционного деления числительных по составу дезориентируют читателя, в том числе преподавателей средней школы.

Учение о глаголе, сказал канд. филол. наук Н. Н. Прокопович, разработано в грамматике очень подробно, глава «Глагол» содержит много ценного материала. Однако следовало бы расширить данное в этой главе определение глагола, описать подробнее его синтаксические функции. В грамматике дается новое по сравнению с традиционной, в частности школьной, грамматикой и соответствующее данным современной науки понимание категории вида глагола, определение категорий несовершенного и совершенного видов. Однако не совсем удачно распределен соответствующий материал. Следовало бы четче разграничить те способы образования глаголов, в процессе которых происходит изменение их только по видам, и другие способы словообразования глаголов.

Критические замечания, относящиеся к главе «Глагол», высказал в своем выступ-

лении доп. И. П. Мучник. Касаясь общего определения глагола, И. П. Мучник выразил мнение, что глаголы называют не действие, как это сказано в § 664 (стр. 409), а вообще процесс. Проводимая в грамматике точка зрения на систему залогов, по мнению И. П. Мучника, является несколько противоречивой. Значение залогов определено как выражение отношений между субъектом и объектом. Определение же отдельных залогов строится на других основаниях. Подробный анализ специфики залоговых форм русского языка очень трудно построить, исходя из принятой в грамматике системы трех залогов: действительного, страдательного и возвратно-среднего. Действительный и страдательный залогов — наиболее четко противопоставляемые категории, чего нельзя сказать о возвратно-среднем залоге. Страдательное значение пересекается с рядом других значений глагольных форм с суффиксом *-ся*. В качестве примера недостаточной выдержанности принятой в грамматике системы залоговых значений И. П. Мучник указал на то, что глаголы типа *жечься*, *кусаться* поставлены в один ряд с глаголами типа *стучаться* (образованными присоединением суффикса *-ся* к непереходному глаголу); между тем эти глаголы принципиально несоотносительны. И. П. Мучник сделал также ряд частных замечаний к параграфам, посвященным категориям вида и наклонения глагола.

Некоторым вопросам освещения в «Грамматике русского языка» учения о предлогах посвятила свое выступление Н. И. Тарабасова. Тема «Предлог», сказала она, задумана глубоко; в соответствующей главе говорится о значениях предлогов, их образовании, синонимике, употреблении в речи. Однако не все эти вопросы раскрыты с должной полнотой. Так, например, в § 989 сказано, что «значение предлога выясняется как в связи со значением имени, с которым он сочетается, так и в связи со значением того слова, которое при помощи предлога управляет именем» (стр. 652—653), но эта правильная и интересная мысль не находит своего раскрытия и подтверждения в дальнейшем изложении. Не нашло должного освещения также высказанное в книге акад. В. В. Виноградова «Русский язык» положение о том, что разные предлоги имеют разную степень лексической значимости, что подтверждается и представленным в главе материалом. Недостаточно раскрытым оказалось также то положение, что степень лексической значимости предлогов неодинакова при именном и глагольном управлении. На отсутствие грамматической характеристики предложных сочетаний во вводной части грамматики указал в своем выступлении и С. Е. Крючков.

Касаясь глав, посвященных словообразованию частей речи, и подчеркнув, что система русского словообразования впервые с такой полнотой представлена в настоящей грамматике, Н. Н. Прокопович и С. Е. Крючков указали на некоторые недосмотры и неточности, допущенные в этих главах. Так, неполно, по мнению Н. Н. Прокоповича, описаны основные способы образования сложных слов; не определены такие понятия, как связанные основы, производные и непроизводные основы. Вопросы словообразования глагола освещаются в трех разделах главы «Глагол»: в связи с учением о видах, о классах глаголов и при описании глагольных приставок. Необходимо было бы поместить в грамматике раздел, обобщающий эти сведения. В § 689 (стр. 427—428) не определено с достаточной четкостью, являются ли видовые формы глагола разными словами или формами одного слова.

Выступивший в конце заседания проф. А. Б. Шапиро обратился ко всем присутствующим с просьбой сообщать в Сектор русского литературного языка Института языкознания АН СССР о всех недостатках «Грамматики русского языка», которые будут замечены. Все подобного рода замечания будут рассмотрены и по возможности учтены при переиздании грамматики. Среди замечаний, высказанных на настоящем заседании, есть такие, которые следует принять безоговорочно; отдельные поднятые здесь вопросы требуют особого обсуждения (например, вопрос о правомерности помещения в грамматике раздела «Фонетика»); есть среди замечаний и такие, с которыми нельзя согласиться (например, предложение об изменении принятой в данной грамматике нумерации склонений, ряд замечаний о глаголе, высказанных И. П. Мучником, и некоторые другие).

Для авторов грамматики, сказал А. Б. Шапиро, ясно, что книга нуждается в доработке, в уточнении и развитии отдельных положений. При доработке настоящей грамматики должен быть усилен момент нормативности. Следует, однако, подчеркнуть, что установка на нормативность вызывает большие трудности, и вряд ли удастся успешно и полно определить норму для всех случаев, представляющихся спорными.

В. П. Сухотин в своем заключительном слове отметил, что широкое обсуждение «Грамматики русского языка» весьма важно для решения многих основных теоретических проблем советского языкознания. В процессе обсуждения грамматики были подняты такие существенные проблемы, как проблема описательной и исторической грамматики, проблема языка как системы, проблема формы слова, проблема частей речи и других грамматических категорий, проблема взаимоотношения лексики и грамматики, словообразования и словоизменения и др.

Особенно ценно участие на настоящем заседании представителей учительства. Необходимо в дальнейшем, при составлении труда, подобного академической «Грамматике русского языка», учитывать запросы учительства. Весьма актуальной проблемой

является проблема взаимоотношения научной и школьной грамматики. Имеющиеся в настоящее время противоречия и расхождения между школьной и научной грамматикой недопустимы. Разрешение тех вопросов, которые были поставлены в процессе обсуждения I тома грамматики, будет способствовать ликвидации указанных противоречий и расхождений.

Е. А. Иванчикова

О МОЛДАВСКОМ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ АТЛАСЕ

И. В. Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания», показав антинаучность основных положений Н. Я. Марра о языке и диалектах, по-новому раскрыл само понятие территориального (местного) диалекта, отграничил его от понятия классового диалекта — жаргона — и указал на то, что территориальные диалекты имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. В связи с этим товарищ Сталин отметил также значительную роль территориальных диалектов в образовании языка народности и национального языка, а также в формировании его литературной нормы.

В нашей стране изучению диалектов младописьменных языков и диалектологической работе, особенно в тех национальных республиках, где происходит процесс фиксирования литературной нормы, придается исключительное значение. Отсюда понятно, что в Молдавии изучение местных говоров представляет не только теоретический интерес, но и в первую очередь имеет практическое значение. Определение ведущего территориального диалекта и его тщательное изучение поможет исследовать пути обогащения литературного языка за счет питающей его почвы — народных говоров.

Изучение молдавских диалектов и говоров для составления диалектологического атласа молдавского языка начато еще в 1947 г. Руководство всей диалектологической работой осуществляет Институт истории, языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР. Несмотря на довольно значительный срок работы (около пяти лет), обследованы лишь центральная часть Молдавии, Поднестровье от Сорок до Слободзеи, Кагульский район и еще несколько небольших районов. Остаются необследованными вся западная часть Молдавской ССР, а также южные районы. Что касается говоров, находящихся за пределами Молдавской ССР, то вопрос о необходимости их изучения по существу до сих пор не решен. Еще хуже обстоит дело с публикацией диалектологического материала. За все время опубликован лишь автореферат кандидатской диссертации Ф. И. Кожухарь¹ и ее же статья². Остальные собранные материалы лежат без движения в архивах института. Особенно отчетливо недостатки работы молдавских диалектологов были вскрыты во время Объединенной научной сессии Института языкознания АН СССР и Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР (декабрь 1951 г.). Сессия обязала молдавских языковедов коренным образом улучшить и ускорить работу по собиранию материала для диалектологического атласа.

Каковы же причины слабого развертывания диалектологической работы в Молдавии? Их, по нашему мнению, две. Во-первых, это недостаточно четкая и продуманная практическая организация сбора материала. Так, например, до настоящего времени в диалектологической работе принимают участие только работники Института истории, языка и литературы, научные же работники из других учреждений, студенты молдавских вузов, учителя к диалектологической работе почти не привлекаются. Случайным был также и выбор пунктов, где производился опрос. Участники экспедиции не были организованы в отряды, а работали часто поодиночке, что значительно затрудняло сбор и обработку материала. Работа поодиночке позволяла пользоваться лишь порочным методом прямого опроса, который, естественно, не давал надежных сведений. Почти не использовалась механическая запись речи. Слабо проводилось монографическое описание отдельных говоров. И, наконец, институт не организовал публикацию добытых диалектологических материалов. Последний факт является очень серьезным препятствием к дальнейшему развертыванию и улучшению диалектологической работы.

Второй основной причиной неудач молдавских диалектологов является недостаточное, а иногда и неправильное научное планирование всей работы. Центральное место в этой подготовительной работе занимало составление вопросника. Вопросник, которым пользовались молдавские диалектологи, составлен в 1948 г. и вплоть до

¹ Ф. И. К о ж у х а р ь, Лексика южных говоров молдавского языка, «Ученые записки Ин-та истории, языка и лит-ры Молдавской науч.-исслед. базы АН СССР», т. II, Кишинев, Гос. изд-во Молдавии, 1949 [на молдав. яз.].

² Е е ж е, К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка, сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Кишинев, «Школа советика», 1951, стр. 79—98.